Лорд Эддард Старк

С тех пор как Бенджен запаниковал и написал ему то загадочное письмо почти полтора года назад, Нед отчаянно пытался добраться до Драконьего Камня и выяснить, что же там происходит, но возрождение старой вражды между Форрестерами и Уайтхиллами сделало невозможным его отъезд с Севера. Робб был еще слишком молод, чтобы Нед мог доверить ему разбираться с беглыми невестами и домами, ищущими союзников и пытающимися самостоятельно развязать гражданские войны. И все же теперь, когда он снова приближался к Драконьему Камню, Нед едва мог заставить себя нормально дышать. В нем боролись опасение и ожидание. Ожидание увидеть своего первого внука, независимо от степени их действительного родства, именно таким маленький Дункан Старк всегда будет для него, и опасение, потому что единственной ясной вещью в письме Бенджена было, что "он знает". Даже сейчас, после того как эта новость так долго не давала покоя Неду, эта мысль все еще была неприятной. Он понятия не имел, что ждет его на острове. Встретит ли его его сын или молодой человек, озлобленный на него? Его милый маленький Джон или человек, который отвергнет его присутствие? Впервые за последние полтора десятка лет Неду показалось, что он хоть немного понимает Роберта. И все же это его не смягчило. Он не мог простить убийство брата и сестры своего сына, даже если бы захотел, и уж тем более Роберта, потворствующего этой жестокости. Как всегда, думая об этом, он представлял себе Джона мертвым прямо перед собой, даже если мальчик уже слишком вырос, чтобы его череп так легко раскололся. Нед отогнал эту мысль прочь. Он не знал, как справиться со всем этим прямо сейчас.

Он лишь наполовину осознавал, что корабль уже пришвартован, что портовый город кажется еще более ярким и цветущим, чем в прошлый приезд Неда на свадьбу его сына. Робб, Санса и Арья выскочили из лодки впереди него, так нетерпеливо, что это было почти унизительно. Нед изо всех сил старался не вспоминать о том, как Робб казался потерянным и мрачным в течение многих лет после отъезда Джона, как Арья осталась без кого-то, кто мог бы быть её буфером между ее братьями и сестрой, как Джон оставил дыру в их семье, которую даже маленький Рикон не смог заполнить. Боги, Нед мог только надеяться и молиться, чтобы Джон все еще считал их семьей.

Джона не было рядом, чтобы встретить их, и Нед не мог не почувствовать, как упало его сердце при осознании этого. Вместо него там был Эртур Дейн, который серьезно взирал на их компанию. Его племянник стоял в полушаге позади него, его белокурые волосы блестели на солнце. Учитывая слухи, которые Нед слышал о цвете глаз и волос своего внука, он ничего не мог поделать, кроме как похвалить Эртура за соблюдение приличий, в какие бы игры тот ни играл. Сир Эртур поприветствовал Неда напряженным кивком. "Роберт Баратеон прибыл несколько часов назад", - сказал он с гримасой на лице, которая говорила Неду, что он хочет вернуться в эту компанию, и ничто не заставит его не сделать это достаточно быстро. "С тех пор он не дает покоя Лорду и Леди Старк. Он очень увлечен маленьким Лордом Дунканом".

Нед кивнул, проглотив свой страх. "Я хотел бы увидеть своего внука", - сказал он. Одним взглядом он заставил замолчать протесты Робба и Арьи по поводу того, что их любимый брат не пришел их встречать, и разочарование Сансы оттого, что ей придется подождать еще несколько минут, чтобы встретиться с своей снохой, которой она так восхищалась, несмотря на то, что они знали друг друга всего несколько дней и несколько писем. "Пойдемте", - сказал он своим детям. "Пойдемте, познакомимся с семьей вашего брата".

Нед не помнил почти ничего из того, как они добирались до замка, не говоря уже о путешествии от ворот к Каменному Барабану, но он почувствовал напряжение, как только вошел в Палату Расписного стола, даже если Роберт, будучи глупцом, этого не сделал. Роберт

сидел в кресле с высокой спинкой в центре комнаты, держа на руках крошечного седовласого младенца, который, как знал Нед со страхом в животе, должен был быть не кем иным, как его первым внуком. Джон и Маргери стояли неподалеку. Леди Маргери скрывала свой страх лучше, чем Джон, но он все еще оставался, и это было ясно любому, кто знал, что искать. Эртур Дейн, когда Нед случайно взглянул на него, выглядел точно так же готовым убивать, как и тогда, когда Роберт впервые поднял на руки Джона.

А Джон, клянусь богами, он был видением из прошлого и ударом из будущего одновременно. Нед посмотрел на него и увидел красоту и безмятежность Рейгара, дикий ум Лианны, смертоносность Брандона и интеллект Рикарда, все это было связано в одном человеке, который больше всего походил на смесь молодого Бенджена и давно умершей королевы Рейллы, и, несмотря на все это, Нед любил мальчика еще больше. Нед понял, что на мгновение заколебался, только когда увидел, как налетели его дети. Робб заключил Джона в объятия, которые, казалось, вот-вот раздавят их обоих. Санса и Маргери целовали друг друга в щеки, как давно разлученные сестры, Санса смотрела на Маргери так, словно все ее надежды и стремления были упакованы в один аккуратный пакет, достойный для подражания. Арья следовала за Роббом по пятам, легко встревая в объятия братьев, прежде чем так же быстро высвободиться и оглядеть Эдрика Дейна с ног до головы, словно оценивая противника. Боги Старые и Новые, вероятно, именно это она и делала. Нед глубоко вздохнул и сам пошел вперед. Робб отступил назад, освобождая ему место, и его лицо расплылось в широкой улыбке, которая совсем недавно отсутствовала, когда Нед и Лювин пытались медленно познакомить его с обязанностями Лорда Винтерфелла и Хранителя Севера. А потом Нед оказался лицом к лицу с ребенком, которого он обнимал первым, любил первым, обещал свою защиту еще до того, как почувствовал тяжесть других детей на своих руках. В течение долгих мгновений Нед мог только смотреть на Джона, и Джон, казалось, был не более способен закрыть эту брешь, чем он сам.

У Джона были глаза его матери. Нед всегда знал это, но внезапно осознал так ясно, как никогда в жизни. У Неда были отцовские глаза, и, несмотря на то, что Нед видел в нем Арью, Джон больше всех остальных походил на свою убитую семью. Он перенял цвет волос и глаз и его особенности, в некоторой степени, с Арьей, но это все. У Джона, единственного, как и у братьев Неда, были глаза Лиарры Старк, глаза их бабушки из горного клана Флинт, и что-то глубоко внутри Неда болело при виде их. Он почувствовал, как судорожно сглотнул, но не отвел взгляда, продолжая смотреть в глаза Джона, наблюдая, как они переходят от неумолимого смущения к откровенной мольбе, и вот тогда Нед шагнул вперед и притянул к себе сына, которого он впервые обнял и полюбил, прижал его к себе. "Я люблю тебя", - прошептал он на ухо Джону. "Я полюбил тебя первым, когда даже Робб был всего лишь буквами на пергаменте. Я люблю тебя дольше всех, и я люблю тебя так же сильно, как и любого другого из моих детей. Все остальное не имеет значения".

При этих словах Джон испустил громкий вздох, похожий на всхлип, хотя и находился совсем рядом с ухом Неда. Только когда Нед протянул руку, чтобы положить голову своего первого сына себе на плечо, он понял, что мальчик почти одного роста с ним. Робб уже стал выше его на целый дюйм, но Нед давно знал, что Робб будет выше его. Джон был совсем другим. Джон всегда был таким маленьким, таким хрупким в объятиях Неда. Нед всегда подозревал, что он родился слишком рано, и часть его никогда не переставала видеть маленького ребенка, которого впервые положили ему на руки, когда он был близок к безумию от горя по поводу смерти Лианны, этого слишком маленького ребенка, слишком молчаливого и слишком мрачного, даже если новорожденного. Он был меньше, чем все остальные дети Неда при рождении. То, что он вдруг оказался одного роста с самим Недом, пусть даже и не очень высокого, заставило что-то внутри него задрожать и разбиться вдребезги. Джон был взрослым

мужчиной, и он вынужден был признать это. Даже более, чем Робб. В конце концов, он должен был быть достаточно умен, чтобы понять, что такое бастард в юном возрасте, и стать лордом так рано, когда этого никто не ожидал. Стать отцом так рано, Нед и сам чувствовал себя слишком молодым, прискорбно неподготовленным. "Я так горжусь тобой", - выдохнул Нед, хотя и не был уверен, как воспримет Джон эти слова, примет ли он их вообще. Они были правдой, поэтому Нед не видел причин сдерживать их. "Я очень, очень горжусь тобой".

На короткое, драгоценное мгновение Джон, казалось, обмяк на нем, доверив Неду почти весь свой вес. Затем он выпрямился, лицо его застыло, как когда-то давно, когда Лианна пыталась скрыть слезы. "Я хотел бы познакомить тебя с твоим внуком, отец", - сказал он. Его голос сорвался на полуслове, но Нед подумал, что это скорее от эмоций, чем от незрелости. Голос Джона, казалось, обрел тот же баритон, что и у Брандона, когда он был жив. Глубже, чем у Рейгара, проще и менее вычурный, по-другому проникновенный, что не имело ничего общего с песнями и вообще с чем-либо другим. Голос лорда, взрослого мужчины, даже если он еще не достиг совершеннолетия. Гордость снова сжала грудь Неда в тиски.

Нед кивнул, даже не пытаясь скрыть своего нетерпения, когда Маргери со всей учтивостью высвободила сына из объятий Короля Роберта и подошла к Неду, передавая ему младенца. И Нед был ошеломлен. Дункан Старк был Таргариеном до мозга костей, без сомнения, внуком Рейгара Таргариена. Даже Роберт мог бы заметить это, если бы не был так ослеплен присутствием Дейнов и воспоминаниями о Лианне. Но Неда это нисколько не волновало. Точно так же, как он полюбил Джона в первый момент, когда обнял его, несмотря на их истинную связь, он полюбил этого мальчика и признал его как внука, невзирая на действительную правду. И он понял, прижимая к груди серебристоволосого и пурпурноглазого младенца, что будет защищать его ценой собственной жизни. Даже от Роберта, если возникнет такая необходимость. Та же яростная, волчья потребность защитить, которую он впервые ощутил в тот момент, когда впервые увидел Джона, снова поднялась в нем, тот первый вкус его собственной волчьей крови, не менее сильный за все прошедшие годы, и он поднял ребенка, чтобы поцеловать его в мягкий маленький лобик. "Ты мой внук", - прошептал он, и ему было все равно, кто услышит его и осудит, Боги, Джон, Эртур или кто-нибудь еще. "И я очень тебя люблю". Он повернулся к Роббу, внезапно осознав, что показывает Джону и даже Роберту. "Ну же, сынок, держи своего племянника".

Робб шагнул вперед и взял Дункана из рук Неда с уверенностью, приобретенной благодаря заботе о младших братьях. Он бережно прижал младенца к своей широкой груди и осторожно провел пальцем по мягко вьющимся белокурым волосам на голове племянника.

"Он - наша кровь. Поклянись, что ты никогда не позволишь никому причинить ему боль, как Джон никогда не позволит никому причинить боль тебе", - проинструктировал его Нед, убедившись, что его голос не оставляет места для неверного толкования.

Робб на мгновение поднял на него глаза, а потом снова посмотрел на ребенка, словно зачарованный. Затем он посмотрел прямо на Джона. "Клянусь Старыми Богами и Новыми", - сказал он. "Я буду защищать твоего ребенка всем, что у меня есть, брат. И вся сила Винтерфелла и Севера вместе со мной".

Даже с того места, где он стоял, Нед услышал прерывистое дыхание Джона. Он увидел, как в глазах мальчика блеснули слезы, прежде чем он долго заморгал, чтобы скрыть свою уязвимость. "Спасибо", - сказал Джон, и Нед понял, что у них будет еще много слов, знал, что ему придется рассказать всю историю, объяснить, как он заставил Эртура замолчать, объяснить, как он хотел сохранить мир с Робертом в качестве Короля, даже когда Джон вырос в его глазах. Как, к его собственному стыду, он все еще разрывался, он никогда бы не солгал

мальчику. Но теперь он подумал, что это может оказаться легче, чем он боялся. Джон все еще любил его, в этом он не сомневался. И Джон, он должен был верить, знал, что Нед любит его так же сильно, как и прежде. Это было очень важно. В конце концов, все остальное зависело от этого.

http://tl.rulate.ru/book/40965/916646